

Бразервилль

Глаза слижут лоси

Бразервилль
Глаза слижут лоси (сборник)

«Accent Graphics communications»

2015

Бразервилль

Глаза слижут лоси (сборник) / Бразервилль — «Accent Graphics communications», 2015

К сожалению или к счастью, но во все времена люди устроены одинаково. Безусловно, накладывает отпечаток эпоха, но основные маркеры человеческой сущности одни и те же. Мы все привыкли любить прекрасное или то, что принято называть прекрасным, и брезгливо морщить носик от того, что сегодня называют безвкусицей или неприличным. Легко любить прекрасное или то, что нынче им называется. Зачастую, тараща глаза, мы заученно повторяем услышанные где-то подходящие слова: о необычной мелодике пушкинского стиля, о потрясающей образности блоковских строк, о незабываемой есенинской мудрости... Я соглашусь с тем, что все эти поэты находят отклик в наших душах – в ком-то больше, в ком-то меньше – ведь они наши поэты. Однако все эти прекрасные чувства лежат на поверхности человеческих душ, и воззвать к ним достаточно просто – мы сами с готовностью их выказываем. Но на глубине души, ближе к самому дну лежат те человеческие качества, которые сокрыты не то чтобы от общественности – от самих себя скрываемы. Они вызывают в нас ощущение собственной греховности, такой, знаете, мелкой непорядочности. И если в нарушении десяти всем известных заповедей или покусении на них мы с готовностью каемся, то об этих грешках мы стараемся не вспоминать. Потому что даже грехи выбираются как «достойные» или «недостойные». Предлагаемый читателю сборник стихотворений и рассказов – как раз и есть та самая возможность заглянуть в глубину собственной души. Возможно, вы что-то переосмыслите, если хватит мужества дочитать до конца – ведь гораздо проще броситься с гранатой под танк (и остаться в памяти людей героем!), чем поговорить один на один со своей душой и признать свою несовершенство. Что еще даст вам эта книга? Не ждите «пленительных образов и божественных красот», да и «души прекрасных порывов» она не вызовет. Однако вы почувствуете в самом себе невероятное облегчение от того, что поймете, что вы не одни – такие, со всеми своими мелкими

грешками и мыслями, которые есть (точно есть!) в каждом из нас, однако при этом мы все-таки хорошие люди, и хорошего в нас – больше!

© Бразервилль, 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Часть 1	7
В магазине людей сумасшедшие скидки	7
Трупы фруктов	8
Выкидыш	9
Худеешь	10
Варя не хочет иметь детей	11
Банки	12
Почти был	13
Противостояние серого и зелёного	14
Заговор вещей	15
Новый друг обнимает Люду...	16
Попутчики	17
Последний взрыв смеха сверхновой	18
Сомнамбулизм наоборот	19
Глаза слижут лоси	20
Дети под балконами	21
Светофоры пожухли	22
Новых детей завезли в детский сад	23
Придумал себя	24
Пришествие донора	25
Без души	26
Человек на крыше!	27
Адам и Ева	28
Локальная иерархия затрещин	29
Жалкий житель	30
Снег, тебе здесь не рады	31
Не смешно	32
Альбина мечтает о нежном маньяке	33
Про Творожкова	34
Бабуля несёт котёнка	35
Третьи половинки	36
Необъяснимое происшествие на улице Вернадского	37
Чемодан	38
Иногда можно лежать на брусчатке	39
Кусочек тебя	40
Пустота или гематома	41
Ушёл за дождём	42
Водолазы	43
Реципиент	44
Нас откопают археологи	45
Грехи и пальцы	46
Морщины	47
Рассматривание себя со стороны	48
Ты вонзишь мне ножик в печень	49
Сломанный пряник	50
Весеннее пробуждение	51

Не первый непервый	52
Бог не ставил прививки	53
Достучаться до танкиста	54
Дочка дарит любовь за деньги	55
Прохожие	56
Часть 2	57
Туман	57
Чаепитие в беседочке	59
Привычные ежевечерние прогулки костюма	60
Клетка с птицей без птицы	61
Рыбалка	62
Из рода омел	63
Исчезновение садовода	64
Сосед	65
Эвтаназия	66
Лёгкая фригидность	67
В квартире № 17	68
Клаустрофобический этюд	70
Загляни в замочную скважину	71
Кошки Палыча	72
Мир на вырост	73
Морфология чёрных дыр	74
Из бурой лужи пьёт собака	75
Беспокойный покойник	76
За миг до листопада	77
Исследовательский процесс духосмешения в животах-аквариумах	78
Ты давишь саранчу	79
Дом	80
Мятные леденцы сына патологоанатома	81
Шрамы украшают маленьких девочек	82
Мыслеловля	83
Спим	84
Часть 3	85
Создание тумана	86
Никто так не катал	87
Страшнота	88
Ксерофилия	89
Интимная жизнь мебели	90
Неудачное	91
Восставшие из вырезвителя	92
В папин кабинет не входить!	93
Существо	94
3 тыщи	95
Три грустные дамы	96
То-то-то!	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Бразервилль

Глаза слижут лоси

Часть 1

Глаза слижут лоси

В магазине людей сумасшедшие скидки

В магазине людей сумасшедшие скидки,
И скрипят в толчее любопытных гробов
Голоса: а есть дедушка более гибкий?
А есть целые папы без чёрных зубов?

Голова – это что? Господа, это пробник?
А кому, извините, волосьев клубы?
– Мама, мама! – зовёт с треском стиснутый гробик, —
Посмотри, синий мальчик! Мамуля, купи!

– Он давно неживой. – Отмахнулась мамаша.
Непотреб! – громыхнул представительный гроб.
И робел продавец цвета гречневой каши,
И желал поскорей обновить гардероб.

Трупы фруктов

Мальш, выбрось эту усопшую грушу,
А лучше – её схорони.
Не ешь трупы фруктов – на складе их сушат,
И их точит гниль изнутри.

И маме скажи не бежать мармозеткой
За манго в сырой магазин.
Запомни, и фрукты кусай – только с ветки,
Не жди убивающих зим.

Запомни, мой мальчик, и носом не хлюпай,
Отвливать поздно уже.
Под глянцевой кожей – невкусные трупы
Тоскуют по ветке-душе.

Выкидыш

Под всхлипы собак и асфальтовых дыр,
Рождаешься из дому в выпуклый мир.
Кочуешь с детьми парафинными;
Они точно так же никак не поймут:
Чего им здесь надо, зачем они тут
Цепляют иных пуповинами.

И каждый вздыхает о ласке нутра,
Которое влажно извергло с утра —
Никак не рожденье, а выкидыш —
Боится на лица таких же смотреть,
А смотрит – боится, что им – не созреть,
Их тесной любовью лишь выходишь.

И мечешься, как в темноте херувим,
Запутавшись в шлангах чужих пуповин,
И страх на безумие множится,
Когда посреди обесточенных свит
В руках слишком взрослых ледово блестит
Предмет, походящий на ножницы.

Худеешь

Худеешь. Хиреешь. Всё шире и шире штаны,
На остром лице кто – то вырыл траншеи,
Раскопанный нос и штакетины – зубы страшны,
Но жирные мысли – гораздо страшнее.

Прохожие думают: болен, сосёт ворожба,
Гурман, ничего не жуёт кроме устриц.
Худеешь и сохнешь. Лишаешь воды, как раба —
Сердечней, чем телом болтать в виде люстры.

Тебя убывает отсюда по грамму в иной
Клубок в уголке параллельной вселенной,
Где чище и лучше, где ставни не слепят окно,
Где чувства – взаимны и не заусенны.

Худеешь. Тускнеешь. Без лампы почти не видать,
Зато с каждым часом тебя где – то больше —
И он там блестит, у него появляется стать.
Ты в это поверил. Ты веришь. О, Боже...

Варя не хочет иметь детей

Варя боится представить плод,
Варя не хочет детей рожать,
Ей ненавистен мужчина тот,
Кто ей внушает диагноз «мать».

Нет, ей не жаль для ребёнка тить,
Да и приятен бывает секс,
Просто так подло: детей плодить
И, не спросив, их бросать в процесс;

Видеть как, в корчах рождённый Бог,
Вырастет и, разливая йод,
Сгинет в войне за страстей клубок,
Или себя по частям убьёт,

Видеть в глазах: сострадания прах,
Верность – когда на обузе шаль.
Лучше остаться в пустых стенах —
Будет не так тяжело дышать.

Парни не знают девиц честней —
Варя не та, кто мусолит бредь.
Варя не хочет рожать детей.
Варя не хочет иметь детей.
Варя не может иметь...

Банки

Вода из – под крана ползёт и ползёт,
Набрал её, грустную, целую банку.
Затем, озираясь, как юный сексот,
Ножом в неё тыкал, как тычут в поганку.

Презрительно плюнул, сморкнулся, ругнул,
Пощёчину даже отвесил со свистом.
И вот, ощущая: из банки манул
Взирает уже на весь мир ненавистно.

Разлей этот яд по шпионам врага,
И смело иди ставить свечи в церквушку.
Ужасно. И тянется робко рука
Ещё набирать. Чтобы гладить за ушком.

Почти был

Немного грустный, озадаченный и прерванный,
Оставив сети обещаний и засад,
Уходишь в поле разговаривать с деревьями,
Его покинувшими молодость назад.

Палата больше не нужна с прохладой дынной,
И больше хочется теперь, чем пить бульон —
Идти хрипящей коматозною пустынею,
Но слышать реку, что смеялась до неё.

А знаешь, в море можно выйти как на исповедь,
Послушать души затонувших прежде гор,
Должно быть, шёпот мёртвых глыб куда неистовой,
Честней всего, что ты мог слышать до сих пор.

Болтушки – звёзды сквозь тебя взглянут базедово
И освежат картинку в памяти скупой,
Как в некоем городе с людьми почти беседовал,
Как в некоем теле был почти самим собой.

Противостояние серого и зелёного

Асфальт и бетон,
такие же лица
подземных шкафов производят примерку,
а вечером чад окунают в побелку,
и сами залазят в надежде отмыться.

В зелёном лесу
зелёные люди
украденных чад покрывают зелёнкой;
теперь у детей голос птичий и звонкий,
теперь их глаза не похожи на студень.

В голодных домах
проглоченным клоном
блуждаешь, молчишь о посмертной награде.
А может, ты тоже был в детстве украден?
Ты просто забыл. Ты всегда был зелёным.

Заговор вещей

Едва отлип от одеяла – носки всосали стопы,
пижама, выплюнув комок, озябла,
легла на стул цветными снами
почти живыми, чтобы
восстать и стать бронёю к ночи – граблям.

Тебя подхватят брюки, майка, рубашка, туфли, плащик.
Они скучали. Голодали. И даже,
бедняжки, тихо прослезилась. Мы – очевидно слаще,
чем шкаф.
Они – мертвы без экипажа.

Им нужен ты, и я им нужен, слепой глухой любитель,
зависимый, ревнивый и недужный,
но не настолько, чтобы всохнуть
в последнюю обитель.
Не мы – они нас потребляют дружно.

И вот в дверях стоишь, проглочен древнейшим тихим кланом,
а мозг привык любить оковы,
но тело знает правду. Может,
проснувшись вулканом
сожжём зверинец этот бестолковый?

Новый друг обнимает Люду...

Приготовила Люда блюдо
В тихом доме, пропахшем блюдом,
В доме были Христос и Будда,
Опускали лицо на грудь.
Но сейчас – ни калеки рядом;
Смыло в реку, побило градом
Всех женатых и лживых гадов.
Накопилась обиды ртуть.

Этот праздник зачем – то горький
Легче было б отметить в морге.
И огонь из ноздрей конфорки
Полыхает, такой смешной.
Люда красит в черешню губы,
Надевает наряд для клуба
И с улыбкой невинно – глупой
Выпускает из плитки зной.

Он подсел к ней, родной, без кожи,
Без колючек, без глаз, без ножек,
Две руки, голова и ёжик
И подвижная часть лица.
Люда ставит ему посуду,
Вспоминает утраты, ссуды,
Моросит о разбитых судьбах,
О сгоревших в плену сердцах,
Покрываясь тоскою лютой.

Новый друг понимает Люду.
Новый друг обнимает Люду,
Как полуденный жар – Мадрид,
Так сжимают дельфина сети,
Так щенка прижимают дети.
И звонят ноль – один соседи,
И ноль – три.

Попутчики

В машине сидят, но никто никуда не едет,
За окнами – тьма, на водительском месте – очаг.
Все жадно молчат, подозрительно смотрят дети
На твёрдые лица родителей, мысль волоча.

Никто не моргает, вздыхают уставшим пони,
Вот – вот напряженье мутирует в звонкий напалм,
И каждый попутчик мучительно хочет вспомнить:
Когда и зачем он сюда к этим людям попал,

Кого за пределами душной кишки салона
Оставил, быть может, любимого? Кто же там есть?
Голодная мгла, порождённая клятым лоном,
А может, целебная и седативная взвесь?

Мужчина с отдаленной шеей рванулся к дверце,
Так критик уходит с сеанса дурного кино.
На миг его тело – слетевшее полотенце —
Сверкнуло во мраке.
И стало как прежде темно.

Последний взрыв смеха сверхновой

В маршрутном автобусе тихо,
Народ бутербродом запихан,
Кто – дышит, кто – ест чебурек.
Так тихо бывает у психа.
Как вдруг молодой человек
Похожий на нервного хикки,
В планшет погружённый, хихикнул
И, сам испугавшись, икнул.
Махры отрывая кутикулу,
Сосед, пригвождённый к окну
Немытому, тоже хихикнул
До этого злясь, как манул.

Подруга его поддержала
С причёской цветов баклажана,
Запрыскала в людо – массив,
Ватага студентов заржала,
Собою салон заразив;
Смеялись и дяди, и тётки
Забыв о семье, о работе,
О горьких посланиях SOS,
Дедули смеялись как льготе,
Бабули смеялись до слёз.
Дополнив ансамбль неплохо,
Ворвался водительский хохот,
И бился кавказец об руль,
Как в бубен отца скомороха,
И, кажется, прыскал июль.

Но в этой заливистой сальсе
Один гражданин не смеялся —
С поблёкшей рогаткою скул
Неузнанный комик, что яшень
Сидел – неподвижен, сутул.
Казалось: он просто уснул,
Теряя с улыбкою в массе.

Сомнамбулизм наоборот

Рассветом пытливым окно закошмарено,
Пугливый будильник смешком обозначил границы.
Сомнамбула вышел в костюме отпаренном
Навстречу лучам и таким же отпаренным лицам.

Он в страждущий офис приехал, как водится,
Всем доброго дня пожелал, выпил кофе, съел пончик.
А на пустырях вдоль хребта переносицы —
Муть странная – свежий несвежий взгляд сельди из бочек.

Сомнамбула день четвертует, работая,
Вполне адекватно шутя, и с начальством не споря.
И даже коллега не в меру упёртая
Его не раскусит, что он отдыхает на море

С веснушчатой девушкой, иль одуванчикам
На густо – махровом лугу сносит пенные нимбы,
А может, он с нею лежит на диванчике,
Она его гладит, и думает: «Не разбудить бы...»

Глаза слижут лоси

Скоро глаза слижут лоси,
Скоро скукожит в зерно,
Кто – то на складе земном
Хмуρο приходит осень.

Список прихода неистов,
Всё, что пришло с накладной:
Дождь – сотня штук – проливной,
Тысячи тонн мёртвых листьев,

Ночи с надрывом пружины —
Двести четырнадцать штук,
Где же полёты на юг?
В этом году не вложили.

Тысяча мрачных прохожих,
Триста дежурных простуд,
Спишем их, господи боже,
Спишем, и всё будет good.

Дети под балконами

Под балконами дети
Ранним утром пугливо спуют,
Ищут сны и конфеты,
И свалившихся к ним чудо – юд.

Рвётся шёпот натужный —
Обнаружен среди щепок и блях
Белый шарик воздушный,
Мёртвый, слутый, потёртый в боях.

Дети шарик не тронут
И убийц не возьмут под арест,
Но его похоронят,
И поставят из спичек
крест.

Светофоры пожухли

Мне приснилось: светофоры пожухли,
Повороты расхлябили шеи,
Бессердечные фонарные джунгли
Беломорят и даже траншеят.

Словно фура пронеслась по колосьям,
Перезрелые колосья на кой нам?
Мёртвых кукол намотали колёса,
Неживых, бездыханных, покойных,

Неудачливых на уровне генов,
Безучастных, несмышлёных, как силос.
Упокой их, Господь, манекенов.
Мне приснилось, мне просто приснилось.

Новых детей завезли в детский сад

Новых детей завезли в детский сад,
Их выгружают лопатой и вилами,
А, через годы, детишек бахилами
Сбросит у школы какой – нибудь гад.

Я наблюдаю, пускаю слезу,
Вон, и мой тоже свалился из кузова.
Кто – то его, с головою арбузовой,
Смёл к остальным, ковырясь в носу.

Я не позволю из детских дружин
Вылепить нечто кирпичнее пряника,
И в тихий час я, прозревший и пьяненький,
Выкраду всех. Мы в закат убежим.

Придумал себя

В день, исполненный грусти и мистики,
Я придумал себе себя.
Я, придуманный мною – не чистенький,
Я живёт, всех подряд гнобя.

Я боюсь выходить с ним на улицу,
Всякий раз затевает гнусь.
И в квартире, где страшно зажмуриться,
Одного оставлять боюсь.

Отвернулись друзья и родители,
В первый день отпустил жену,
Мы её напоследок обидели,
Но никто не признал вину.

Слишком поздно жалеть и каяться,
Я злопамятнее судьбы;
Помню, в зеркало утром скалился,
Кто придумал меня, забыв.

Пришествие донора

На днях мужичонка юркий,
Пройдя все посты дружин,
В ресницы орал хирургу:
– Отрежь мне кусок души!

Не той, что дрожит на койке
И лампы хранит прищур,
Отрежь от моей! Хоть сколько!
Я к утраму отращу!

Не вру! Может, я бездонный!
Я с детства привык спасать!
Я, может, почётный донор!
Отрежь, твою мать!

Всади малодушным людям!
Вколи, примотай, пришей!
Вживи подлецам, иудам!
Лепи из гадюк ужей!

Бери! Лезь в меня, под кожу!
Кромсай и сажай в проныр!
Я в подлых телах размножусь,
Лишь так мы очистим мир.

Без души

В злосчастный момент, в зуболомную стужу
Ему невзначай стужа вытряхнет душу,
И он без души будет шастать как зомби,
Свой день прожигать.
По привычке зазнобе
Подарит букет хризантем иль ромашек.
Он нуль без души – обезвещенный ящик,
Сухой и глухой, но с желанием стойким
Заполнить нутро хоть какой –нибудь молькой.
Он будет косить на людей в ресторане,
При них вспоминать об утраченной грани,
Завидуя им, ведь у них есть начинка —
От мэра до грузчика с пьяного рынка,
А в нём – ничего! Пустота и желудок.
Он хлопнет вина, заливая рассудок.
Потонет в глазах той особы с букетом,
Поняв, что души у неё тоже нету.

Человек на крыше!

– Смотрите, человек на крыше! —
Кричу в пространство, во вселенные,
В толпу некрайних и нерыжих,
В физиономии системные.

– Смотрите, человек на крыше!
От равнодушия размажется,
А безразличный дворник Миша
Отмоет улицу от кашицы.

Поймали солнце пассатижи
И тащат книзу торопыгою.
– Смотрите, человек на крыше! —
В последний раз кричу.
И прыгаю.

Адам и Ева

Посмотрите на этих двоих. Попрошу их пока не трогать.
Отличаются от восковых тем, что сами создали Бога.
Приглядитесь, модели не спят, разум действует их в союзе,
и, пока не случился распад, в них бурлит ассорти иллюзий.

Вам встречался такой раритет? Близнецы познают друг друга
миллионы их собственных лет, и никак не найдут свой угол.
Их – придуманный мир поглотил, мир души, а быть может, чрева?
Кто за ними веками следил, называл их: Адам и Ева.

Локальная иерархия затрещин

Пришёл не папа, а сгусток нервов,
Принёс в желудке сырок и вермут.
Под клокот чая, краснея скверно,
Горчицей вмял недовольства маме.

А мама, после огня скандала,
Дневник сыновний при всех достала.
Найдя что нужно, сынку по салу
Ремнём влупила, а не руками.

Сынок, не влезши в объяття кресел,
В кулак собравши остатки спеси,
Сестру обидел – щелбан отвесил.
И та рыдала слезами с вишню.

Затем, обиду свою оуклив,
Отгрызла руки любимой кукле.
И кукла хнычет калечным Вишну.
Не то от боли и злобы блеет,
Не то ей жалко тех, кто слабее.

Жалкий житель

Мордой – тортом без налёта мыслелязга
Разбавляешь городские лица – маски.
Маски: броски, однотипны, однолживы.
А под ними – жизнью сжатые пружины;
Сбились в стаи, мир лелея скрытый, пёстрый.
Скинуть маску – что принять маньяку постриг.
Вряд ли к месту твой, чужой, душевный омут,
Стоны: стены, палачей и хамов тронут.

Презабавно, тучам срочно нужен «Vanish»!
По аллее прёшь и камешки пинаешь,
Видишь чётко: словно шаттл в пустыне Наска —
На асфальте чья – то вычурная маска.
Потерялась? Кто решился на поступок?
В гуще парка мир зловец, рассудок – хрупок.
Вон герой! Врачи, зеваки, поспешите!
Льнёт к прохожим сумасшедший жалкий житель.

Снег, тебе здесь не рады

Снег, тебе здесь не рады.
Знаешь, сидел бы дома,
Щупал бы туч наряды,
Мучаясь лёгкой истомой.
Дети тебя мочалят.
Снег, ну зачем ты выпал?
Знаешь, твоё молчанье
Хуже кричанья выпи.
Мерить тебя подошвой —
Жечь образа лампадой.
Снег, ты не падай больше.
Сверху смотри. И не падай.
В стане людей опасно.
Есть же такие лица —
Воздух жалея астмой,
Нам не дадут родиться.

Не смешно

Мне не смешно. Кручу ногами глобус
который год. Мне не смешно.
Не веселят: ни медленный автобус,
ни солнца жирное пятно,

ни даже сын, насилующий «Лего»,
беседы пресные с женой.
И анекдот, рассказанный коллегой —
не смешной.

Мне не смешно. В сердцах гуляет кризис,
в глазах друзей – седая мгла,
соседи – в швах, не забавляет близость —
вот – вот пырнут из – за угла.

Какой тут смех? Когда – то я хихикал,
я хохотал, я прыскал, ржал.
Проникла в душу, хилую калику,
всепоглощающая ржа.

С лицом – доской теряюсь в переулках,
куда наследство перешло,
ищу, где всё ещё смеются гулко.
Мне не смешно,
и это – не смешно.

Альбина мечтает о нежном маньяке

Альбино сердце пожар обуял,
Она не мечтает о кошке, собаке, —
Сбежавши от мира в бугры одеял,
Альбина мечтает о нежном маньяке.

В пустынной квартирке в районе трущоб,
Где каждый кусок быдлодня одинаков,
Закрывшись ракушкой, ещё и ещё
Она смотрит фильмы про нежных маньяков.

Зашторивши окна и душу зарыв,
Она забывает свой год в недобраке,
Скребёт любово-страстно саднящий нарыв,
И грезятся ей под кроватью маньяки.

Развод, одиночества крепнувший мак,
Желанья и боли взрывное соседство;
Она забывает чуть – чуть, что маньяк,
Фатально не нежный, украл её детство.

Она проросла из обиды и слёз.
Мужчина теперь подойдёт ей не всякий.
Вступивши со страхом, стыдом в симбиоз,
Альбина мечтает о нежном маньяке.

Про Творожкова

Автобус так глядит на Творожкова,
Как будто Творожков – не Творожков,
А весь – из вкусной массы творожковой
С начинкой из банановых кусков.

Гурмано – Бас распахивает двери,
С дверей течёт, болтается слюна,
И гражданину боязно проверить,
Доедет ли живым до Ботвина¹?

Народ шмыгнул в раззявленный желудок,
Развеяв сон шуршаньем кошельков,
Напоминая сочных глупых уток.
Но не таков герой наш Творожков!

Он сплюнет, побредёт с печалью жуткой
Вдоль трассы, возбудив поток машин;
Такси – пираньи, шакальё – маршрутки,
Для них он борщ, упрятанный в кувшин.

Затем, с гримасой явственно недоброй
От зданий с лифтом бросится, скуля,
И терминал – двойник голодной кобры
Его проводит взглядом до угла.

Он – дальше, мимо, мимо, прочь на вдохе,
Ругая страхи вдоль и поперёк.
Домой наш Творожков вернётся пёхом
К тигрице, под её урчащий бок.

¹ улица в городе N

Бабуля несёт котёнка

Бабуля несёт котёнка грязно – рыженького,
Прижала к себе, хрупкого, будто вазочку из фарфора.
Достала бродяжку где, с хвостом отчекрыженным?
В какой подворотне?
Не иначе спасла от гиеновой своры
И группы помойных
дружелюбных
аллигаторов.
Прижавши к седой щеке мохнатую
солнечную грыжу,
Газелью летит по холодку Литераторов
Вдоль улицы,
мимо злодей, скукой зелёною сбрызженных.
Что чувствует кот? Исполнен к бабушке нежности?
А вдруг ничего нет в душе лупатенькой шмакодявки?
Во всю пасть зевает на человечьи ценности,
Следя за нависшей над ним
бабушкиной
бородавкой

Третьи половинки

Полоски цветного стекла заглянули мне в душу,
И голос наждачный коснулся (родился во мне?)
– Гляжу, ты чужой как своею бедою контужен,
В любви погорел, без войны побывав на войне.

Послушай, – несло через столик сигарною дымкой, —
Любовь – это фикция? Кара? Наркотик? Болезнь?
Ты носишься с нею, с крылатой слепой невидимкой,
Затем – обещаешь себе в этот омут не лезть.

Пойми! – Умолял собеседник с отёчностью Квинке,
Мусоля сигару так, будто бы ждал эшафот, —
Когда навсегда разрываются две половинки
Бывает, что третья, возвращённая ими, живёт;

Надежды, мечты, всё, что было заложено ими
В Бездонную Космоса, делает гибельный вдох.
И Нечто, лишённое связи, умершее, в гриме
Преследует пары влюблённых, как чёрт выпивох.

Им движет не месть и не зависть, но холод разлуки.
Два любящих сердца – до Бога бесплатный трамвай».

Я долго смотрел на окурок табачной гадюки
И надпись на столике пеплом:
«Коллега, бывай».

Необъяснимое происшествие на улице Вернадского

Шатаюсь блёклым вечером под окнами коморок,
С хроническим неврозом и с мимикой «лимон»,
На улице Вернадского у дома номер сорок
Споткнулся о булыжник и вляпался в дерьмо.

Любой мог опардониться. Во тьме души столовой
Взбурлили огорченья и прочий негатив;
Без прежней обречённости, большое злое слово
Я гаркнул миномётом, обиды испустив.

По улице Вернадского, вдоль дома номер сорок
Иду, спустя неделю, просторный как депо,
А слово одичавшее, мохнатее Трезора,
Шугает пешеходов и делает бо – бо.

Прикинувшись бесчувственным, я спас на ляжке кожу.
Что будет завтра, если сегодня повезло?
По улицам – прелестницам шагать боюсь – скукожусь,
Расставив уйму добрых изящных чудо – слов.

Чемодан

Мы на краю, на стартовой черте.
Зачем нам куча личностных проблем?
Наскучь, родная, до седых чертей,
И я тебе до язвы надоем,

Иначе – будет дикий невозврат,
Иначе будет боль и будет мрак,
И головы на кольях будут в ряд.
Давай представим, я совсем дурак.

Обрыдну так, что выгонюсь взащей,
Пульни с балкона грустный чемодан,
Чтоб он, как несчастливый из вещей,
Скончался на моих руках от ран.

Заметишь слёзы – флаги, стрекоза,
Проверишь, громко зубками скрипя,
Как я пойду понуро на вокзал,
Неся с собой частичный труп себя.

Мы будем с ним скитаться по земле,
Я никогда его не схороню.
Я не вернусь, кричи, читай Рабле,
Штудируй Фрейда, Кафку и Камю.

Он станет ближе всех моих друзей,
Которых я покину навсегда.
Забросив этой жизни карусель,
В обнимку с ним замёрзну в вечных льдах.

И, если ты мою отыщешь нить,
Причалишь посмотреть, как важный дож,
Меня от чемодана отличить
Не сможешь, не узнаешь, уплывёшь.

Иногда можно лежать на брусчатке

Марширую по брусчатке поздней ночью.
Фонари передают меня друг другу
Сожалея, что не могут в одиночку
Тьму души моей рассеять по округе.

Тьма вкусна, она вкусна как бутерброды,
Привыкаешь к ним и всё, прощай, желудок.
Жду момент, когда втяну её до рвоты,
Чтоб на дне открылось поле незабудок.

Тишина стоит, лежит, ползёт и душит.
Руку вытяни и – хвать! – её за косы.
А затем её расслабленную тушу
Приноси в места скандалов и вопросов.

Я бы тоже лёг в морозец на брусчатку
Как те двое, как им кажется, влюблённых.
Я шагаю? Может, я иду вприсядку?
Чёрт возьми, а фонари – дубы и клёны,

Под подошвой дышит тёплая лужайка,
И ступаю я, должно быть, не подошвой,
А босой ногою. Солнце. Лето. Жарко.
Лучше там побуду.
Я прилягу.
Можно.

Кусочек тебя

Подари мне себя кусочек,
Спору, пазлик, деталь, чешую,
В колыбели безглазой ночи
Я тебя из неё отращу.

Ты уже раздавала многим
Просто так, безо всяких причин,
Я ж – прошу, как безногий – ноги.
Подари. Поколдую в ночи,

Соберу и оставлю целой,
Разорву с формой подлинной нить,
А разросшийся твой мицелий
Буду в тайной кладовке хранить.

И теперь: кто из вас живет?
Эх, судьба, разлучи нас и склей.
Опасаюсь, таки поверю,
Что дороженая –
милей.

Пустота или гематома

Мучительно выдавливал тебя из себя:
Сначала мыслей пляшущие тёплые изнанки,
За ними – всё телесное: от лика до пят,
Отхаркивал, вычихивал, выплёвывал останки;

Они за жизнь цеплялись, висли на бороде,
Не веря в расставанье с инфицированным сердцем.
Ты чуяла, шпигуя собой мягких людей —
Мятежник ускользает в леса от рабовладельца.

Иссякнув, осмотрелся: нет костей и заноз?
Иначе снова вызреешь во мне, затянешь в омут.
Слоняюсь по бульварам и мусолю вопрос —
Что лучше: пустоту лелеять или гематому?

Ушёл за дождём

Через форточку в дом лезут воздух и хаос,
У меня на столе мыши книги погрызли,
От меня здесь почти ничего не осталось:
Оболочка и парочка сплюнутых мыслей.

В предыдущий сеанс открывания двери
Я ушёл за дождём, до сих пор не вернувшись.
Сколько вёрст я уже сапогами отмерил,
Может, слился с дождём, позабыв прежний ужас.

Тощий ветер влетел, зацепив листик с полки,
Закружил и метнул в криволюстрые очи.
Из углов тишина смотрит раненым волком,
По листочку бежит мой размашистый почерк.

Не могу разобрать. Ветер, глянь, ты глазастей,
От меня здесь уже только вмятины в кресло.
Выдуй из дому вон.
Вспомнил, там было: «Здрасти,
Я ушёл за дождём. Буду к осени. Честно».

Водолазы

Затаился, сию водолазом на дне
Под чернеющим дном корабля,
В череде взбаламученно – илистых дней
Кто – то сверху не любит меня;

Капитан, или кто, кроет мне кислород,
Пуповину жуёт, веселясь,
Дескать, ты – молодец, но уж больно – урод,
И душа – не душа, а – карась.

Я хочу разглядеть все красоты на дне,
Но вокруг только пляшущий ил.
Эй, дружище, тебе с аквалангом видней,
Может, кто – то тебя полюбил?

Подскажи, косяки перламутровых рыб
Разрезают звенящую синь?
Мне стоять здесь одной из задумчивых глыб
Дольше вахты, старпом, не проси.

Может быть, я один под пятой корабля,
Ну а сколько таких кораблей?
Может быть, незнакомый мой друг, и тебя
Извозили в печали и мгле.

После схваток река мне раздвинет волну.
Я оставлю привычную муть,
Поднимусь и в лицо бедокуру взгляну,
И скажу что –нибудь, что –нибудь...

Реципиент

Сегодня опять проснулся не весь —
на постели: шея, голова и надежд шарф,
на люстре рука, и, кажется, пресс.
Может, остального не было ни шиша?

А ты на постели есть вообще?
Ни одной детали: ни души, ни глаз. Ушла,
оставив меня, одну из вещей?
Пригляделся.
Вот: кусочку сердца поёт мгла.

Окстись. Так не может быть! Перестань!
Чем мы любим друг друга, скажи? Кто объяснит?
Полундра! Полундра! Наверх свистать!
Объявляю организму всему аудит!

Собрались! Собрались! Эй, все ко мне!
Руки! Обе! Быстро! Ноги тоже! А где грудь?
Там сердце! Им любят!.. Или же нет?
Тот, кто любит мозгом, любит части или суть?

Запутался! Мысли, бейте не вскользь!
Сердце! Выкатись откуда –нибудь уже! Жду!
Нет сердца. Иду, прострелянный лось,
и в дыру кладу отвалившуюся звезду.

Нас откопают археологи

Давай уедем туда, где снег,
Туда где лёд жирнее творога
Заполнит клетки, и через век
Нас откопают археологи.

Давай уедем, я всё собрал:
Гитару, лучший томик Бродского.
Чем больше мы отсчитаем шпал,
Тем меньше будет в нас уродского.

Купил билеты в один конец.
Признаться мне не хватит выдоха,
Я по любовям не сильный спец,
Но я готов впервые выехать.

Давай сегодня, я всё решил.
Оставь шарфы, носки из войлока.
Мы станем искрой одной души.
И прослезятся археологи.

Грехи и пальцы

Маленький Витя считает свои грехи:
Дважды за день разразился отцовским матом,
Шарф не надел, и теперь его ждёт бронхит,
Пендель целебный отвесил младшóму брату,

Маме соврал, перепачкал гуашью лифт,
А на уроке ИЗО решил отоспаться.
Маленький Витя не знает пока молитв,
Просто молчит перед сном, загибая пальцы.

Так же сегодня он камнем попал в кота.
«Спите, пернатые...» – шепчет в своей кровати
И погибает. И с ужасом ждёт, когда
Пальцев не хватит.

Морщины

Висят морщины у девушки, Господи Боже,
А ведь вчера она бегала с розовой кожей,
А ведь вчера она пела в церковном хоре,
Встречалась с кем – то, рвалась на море.
Встречалась с кем – то намного старше,
Намного старше её папаша.
А ранним утром исчез мужчина,
На всём оставив свои морщины,
Куда ни глянь —
следы машины,
Одни морщины,
Одни морщины.

Рассматривание себя со стороны

Подъезд зевнул и кем – то высморкался в утро,
рассвет кинжально меток. Всё, что крепче брюта
залить охота внутрь. Жалею человека,
бредущего с культёю пенсии в аптеку.

В окно таращусь, в небо, в мясо пуповины,
у мусорки: собаки, кошки, херувимы.
А где – то там, в других местах, совсем безоких
друг друга любят люди или боги

за просто так, по доброте своей душевной,
и там у них прекрасно всё, и дождь волшебный,
поля в цветах живых, в спине и лёгких – лёгкость,
и голова – пустая ветреная ёмкость.

И дунешь в гости. Скромный домик, ива, речка,
один из ангелов скучает на крылечке,
сидит, обняв коленки. Молвит: «Папа занят.
Себя рассматривает вашими глазами».

Ты вонзишь мне ножик в печень

В подворотне синей ночью
Ты вонзишь мне ножик в печень.
Я запомню искры – очи.
Этот цикл, поверь мне, – вечен;

Мы встречались в прошлых жизнях,
Смытых бережным прибором.
По тебе справляя тризну,
Я пожертвовал собою,

Лишь бы видеть искры – очи,
Лишь бы слышать песню речи.
А сейчас ты синей ночью
Острый нож вонзишь мне в печень.

Не случайность это вовсе.
Я к тебе приду, но позже,
Ведь душа твоя попросит,
Как возьмёт томленье вожжи.

Слыша роз благоуханье,
Ощущая лёгкость нимба,
На последнем издыханьи
Прошепчу тебе: «Спасибо...».

Сломанный пряник

Нет ничего долговечней дряни.
Утром запарив из мыслей мюсли,
Цапнул с разбега вчерашний пряник.
Пряник сломался – он стал невкусным.

Жижа – не чай, а, похоже – сома.
Только хорошее о погоде
(Колкий рассвет пузом тучи сломан).
И мой настрой – никуда не годен.

Видит поломки и дворник Саньч.
Еду в метро, чуя сбой системы.
«Как ты? – звоню, – не сломалась за ночь?
Все ли на месте детали, схемы?»

Громко молчишь, не ждала вопроса,
Шорох, гудки – словно в ухо фаллос.
Кто – то в вагоне по сну разбросан.
Ох, неужели и ты сломалась?

Пучит подземку, от тел икает.
Люди настроились на гастроли.
Вечером буду, держись, родная.
Если не выйдет любовь из строя.

Весеннее пробуждение

Душно – грязное месиво
Вместо спрута весеннего,
Тонешь в чьей – то депрессии,
Пьёшь похлеще Есенина.

А зимой не мешалось. И
Мнёшь чинарики скверами,
Лично вскормленной жалости
Поражаясь размерами.

Хоть метель не метелится
И мороз не морозится —
В пробужденье не верится,
И зудит переносица.

Где бы скрыться от сырости,
От прокуренной ругани.
Что успел ты там выгрести
Из аптечки напуганной?

Тяжесть неба топорного
Созерцается склерами.
Те, кто выпил снотворного,
Пробуждаются первыми.

Не первый непервый

На стрижке, Порфирий с обидой в душе
Отметил, следя за повадками Людки,
Что здесь до него обслужили уже
Десятки, а может быть сотни ублюдков.

В кафешке он был далеко не вторым,
Давился какой – то заморской консервой,
И слёзы бежали по щёчкам сырым,
Что он у разносчицы очень не первый.

Куда бы он, жалкий, в сердцах ни пошёл,
Кого бы ни встретил: каргу или фею,
Везде с ним обходятся нехорошо,
Бросая куском на жужжащий конвейер.

Порфирий, уняв сумасшедшую прыть,
В притонах укрыл оголённые нервы
И любит, кого невозможно любить.
И в этом он тоже, похоже, не первый.

Бог не ставил прививки

Мы искали себе пространство другое,
Мы искали себя за бортом,
Где тепло и свежо, где сладость покоя,
Где мы сможем построить свой дом.
Мы искали, мы ищем, мы убегаем;
Экология, паника, смерть.
Где другой организм, планета другая?
Где нас примут? О, боже, ответь.
Мы бы взяли какой –нибудь мир на вырост,
А затем разнесли бы войной.
Во Вселенной шалит космический вирус.
Бог не ставил прививки больной.

Достучаться до танкиста

На площади Ленина рыженькая художница
Напишет портрет карандашный за десять минут.
И вместо того, чтобы мимо пройти, поёжиться,
Присел к ней на стульчик, авось её руки не лгут.

Она забралась под броню, так никто не заглядывал,
Я вздрогнул, обмяк, приколоченный парой гвоздей.
Шуршал карандаш ненасытно и даже обрядово,
Кромсая меня, совмещая куски на листе.

Я кашлял, потел, и сжимало меня до судорог
Внутри. Проходящих людей сливались мазки.
Казалось, глаза из нахлынувших морем сутолок
Считали меня за эскиз и порханье руки.

Когда, наконец, конопушка чертёж отхудожила,
Мучительно выдохнув, будто услужливый джин;
Предстало лицо на моё ничуть не похожее —
Оно было слишком красивым, весёлым, живым.

Свернул свой портрет и побрёл холодными лужами,
Прелестнице что – то неясное буркнув с тоски.
На пристани замер, действительностью контуженный.
Так вот ты какой, под бронёю живущий, танкист.

Дочка дарит любовь за деньги

Раскладушки продавлен овраг,
Дочь не спит, повернувшись к стенке
Там, за стенкой не толще ковра,
Мама дарит любовь за деньги.

Может, папа оставил семью,
Как бельё оставляет пятна,
Потому что не только ему
Отдавалась любовь бесплатно?

Эй, дыхни, кто рабоч и охоч,
Кто способен ещё на подкуп.
Где – то кем – то обласкана дочь,
Мама дарит любовь за водку.

Вспоминает и плачется мать,
В богадельне снимая пенки —
Дочке некогда внуков рожать,
Дочка дарит любовь за деньги.

Прохожие

Шаги шуршали в уютной прихожей,
И руки шарили. Вспенился свет.
Пришёл супруг, или просто прохожий
Забрёл в квартиру на запах котлет.

Свои так бережно входят без стука.
«Любимый, здравствуй, покушать найди.
Устал сегодня?..» – зевала супруга
У ноутбука, крутя бигуди.

«Любимый» даже не хмыкнет, не ухнет,
Угрюмой тенью расшастался тут,
Сопя и горбясь, пробрался на кухню,
И молча ужинал двадцать минут.

Жена пыхла о срочной работе,
И с ноутбуком легла, как доска.
Нарочно, или на автопилоте,
Прохожий лёг рядом в потных носках,

Туманным взором обвёл ягодицы,
Укрылся, и в тот же миг захрапел.
Никто не вникнул, какая он птица,
Да и к чему восполнять сей пробел;

Растает утром родной прохожий,
Уйдёт в окоп или в штаб командир.
Какая разница, Петя, Серёжа
Дополнит к ночи одну из квартир.

Часть 2

Загляни в замочную скважину

Туман

Беретом сжав седые кудри,
Подняв повыше куцый ворот,
Я ледяным промозглым утром
Отправлюсь в город, в ржавый город.

Под лязг осенней непогоды
Мне суждено попасться в цепи,
Гляжу в молочные разводы,
Кого туман из дымки лепит?

Я разглядеть ужель во власти
Когда бредёт сиротский путник
И, чертыхаясь на ненастье,
В барьер сметанный зенки лупит?

И инстинктивно сам потянешь
Вперёд сослепу руку – тяпку,
От воображения устанешь,
В пучине сливочной и зябкой

Оно рисует образ чей – то,

И этот образ – кос для глаза:
То проползёт под ноги змейка,
То чудищ чуются проказы —

Вот силуэт завял мохнатый,
Затем восстанет, скалясь алчно,
И с фонаря худые лапы
Протянет сущностью прозрачной,

То плащ мелькнёт как привиденье,
Багрянец вдалеке забрызжет.
Шаги, что были в отдаленье,
Давно стучат всё ближе, ближе...

Галопом липкий страх понёсся!
О, вот шаги, заглохли рядом!
На тишь пугливо обернёшься,
Слой ваты влажной срезав взглядом,

И никого! Сдавило лихо...,
Да шало морось в очи шпарит,
Да грязь повидлом рыжим, рыхлым
Подошвы жжёт армейской паре...

Чаепитие в беседочке

В чашечках чайных – солнца палитра,
Двое в беседке любезно сидят;
Аня в панаме, Ося в цилиндре,
Пьют, обсуждают цветы и котят.

Подле мурлычет тёплая Муся.
Ося к Анюте мосты прочертил.
Вдруг, мимо чашки он промахнулся
И отхлебнул из её глаз чернил!

Эти чернила – сахарней шпанки.
Ося подсел к покрасневшей впритык,
Аня, помявшись, вместо баранки
Осе вцепилась зубами в кадык!

Плоть отделялась сдобой горячей!
Кости трещали, хлестал алый сок!
Люди предстали массой незрячей,
Скомканной чувством в дрожащий кусок!..

Стихло в беседке.
Глазёнки хитры.
Ося в панаме, Аня в цилиндре.

Привычные ежевечерние прогулки костюма

Шёл в спортивном костюме с мотнёй до колен
Джентльмен с бородой и морщинистой кожей,
Кто – то едкий ему бросил вслед: «Не поможет»,
Сотрясая аллеиной души гобелен.

Безучастен старик, хоть плескай в очи щи,
И в груди – тишина на миллионах наречий.
По привычке хозяйской, костюм каждый вечер
Носит в полостях тела костюм из морщин.

Клетка с птицей без птицы

Корелла издохла, лопнуло сердце —
Браток вчера, облезив пиджак,
Меня убедил за кислой беседцей
Пустую клетку забрать за так.

Она на здоровье гадко влияет:
Он глянет в степи былых красот —
И сердце, как у Миклухи – Маклая
В оковах, рвётся. Тоска грызёт.

И я, на чужую клетку позарясь,
Предвижу, как мой волнистый друг,
Которого я схвачу на базаре,
Погибнет – горлом польётся юг.

Погибнет. Не старость выпустит стрелы,
Не холод сдавит и не тюрьма,
Предвижу – хохлатый призрак кореллы
Задушит, или сведёт с ума.

Рассыплю по донцу почки граната,
Поглажу клетки пустой живот.
Боюсь, в ней умолкла туча пернатых.
Я обнуляю счёт.

Рыбалка

Нетрезвый дядь притопал на рыбалку,
Расправил снасти, лодку накачал,
На середину выплыл, замолчал
Как замолкает в пузе алыча,
Как замолкают, встретивши русалку.

Из хлебобулки выдернул печёнки
И бросил за борт, в тощий коллектив.
Себя чужим страданьем прикормив,
Слегка закинул удочку в речонку.

Камыш сопел, сутулый от несчастий,
Под гулы комариного полка
Орущего от боли червяка
Спешили успокоить чьи – то пасти.

Возможно по фантазиям наяды,
Идя домой под вечер голубой,
Рыбак в пакете из – под мармелада,
Тащил себя с проколотой губой,
Ещё живого, с человеческим взглядом.

А тот, довольный сносною рыбалкой,
Глаза таращил, вымахавший гном.
Должно быть, слышал каждый за окном,
Как перед потрошеньем и огнём
Он долго по себе дубасил палкой.

Из рода омел

Заря одноглазая рдела
И некто из рода омел
Надел на себя чьё – то тело
Из груди разлѣгшихся тел.

Сегодня он будет серьёзный
В особых кругах экземпляр,
Он будет весь день строить козни,
Готовить из искры пожар.

Покроют доспехи младенцев
Его плотоядный костѣр,
И он сможет сыто раздеться,
Оставив одежду, как сор.

Назавтра наденет кого – то,
Кто будет отчаянно хил,
И канет в своё же болото,
Что долгие годы растил.

А после, устав от приличий,
От войн и большой суеты,
Он выплывет в женском обличье
И, может, ей встретишься ты.

Исчезновение садовода

Жены кончина подкосила садовода.
Он, допьяна глотая лунный ил,
В интимных дебрях сада – огорода
Её под вишней схоронил.

Он то молчал, то звал пронзительно: «О, Ева!»,
А после слушал за радистов двух —
Как будто отзывалось тихо древо,
А может быть – любимой дух.

Мечтая, часто он сидел у пенной вишни,
За талию обняв шершавый ствол.
В часы кристально – трезвого затишья
Траву с усердием полол.

Соседям хитрым не нудил о вкусе ягод,
Взял, и пропал, как в Амазонке плот.
Лишь Бог, наверно, в курсе, где бедняга.
Ушёл с радаров садовод.

Возможно, он поднял условностей завесу,
Реальность смог поставить на ребро.
Нам не узнать. Чуть позже, с интересом,
Участок кто – то приобрёл.

Горбы деревьев тёплых были тенью лишней
Для новой клумбы чайных нежных роз.
Собрался корчевать хозяин вишню
И рядом росший абрикос.

Картина – жуть рассудок вдребезги разбила:
Под корнем вишни – жёлтый костный слой,
И абрикос, дрожа, из места спила
Сочится алою смолой.

Сосед

Сон стряхнулся, а у кровати
Замер тумбочкой – мой сосед:
Бледен, худ и внезапно сед.
«Ты зачем ко мне влез – то, Вадик?»
Закачало в кровати – лодке,
А Вадим говорит нечётко,
Будто в рот запихал круассан:
– Не бери ты в киоске водку,
Там – «палёнка», проверил сам.
Поднимаюсь, вникая в тему:
– Про который бубнишь киоск?
Он молчит и, как талый воск,
Уплывает к себе сквозь стену.

Эвтаназия

Добрый доктор, пропиши мне эвтаназию,
Или выдавлюсь из тела жёлтой мазью
И вползу в больного скользким паразитом,
Пусть лежит сосед уставшим и сердитым;
А затем, тебя попросит взглядом мрази:
«Доктор, сука, пропиши мне эвтаназию».
Ты внимательней повылупи черешни,
Взгляд его сверлильный – мой по – прежнему.
А в палате человек – на целый Китеж.
Доктор, видишь, я моргаю, иль не видишь?

Лёгкая фригидность

Разорву влечение на кусочки,
Разделю на сотню чайных ложек.
Дам белее облака носочки
Для твоих изящных стройных ножек.

Ты ходи в них дома, по балкону,
Их не бойся, милая, запачкать.
Гляну на тебя как на икону,
Словно на хозяина – собачка,

Можешь принимать любовь как данность.
Суй, родная, ножки в пыль и слякоть,
Вечером, надеюсь, в благодарность
Мне покажешь пяточную мякоть

И подразнишь. Я у страсти в лапах,
Будто ткань, заправленная в пальцы.
Я прильну к ступням, вдохну их запах,
В рот приму по очереди пальцы.

Ты не испугалась бы щекотки,
Я б лизал и в мыслях славил Бога.
Жаль, но это только грёз щепотки,
Ибо ты с рождения безнога.

В квартире № 17

В квартире № 17
По улице имени Крупской
Не стоит зубами клацать
О щедрости среднерусской.

С идеей больной и узкой,
Чертякам легко собраться
На улице имени Крупской,
В квартире № 17

Там: шёпот зрачковой мути,
Там: страха и тьмы широты,
И есть в этой мути – люди,
Но умно молчат как шпроты.

А ежели твякнешь букву,
Разрезав покой зверинца —
Сожрут, будто сторож брюкву,
Поняв, что ты есть за птица.

Чьи, думаешь, это маски
Сопят за столом некруглым?
В агонии комы – пляски
Немые кривые куклы?

Молчи и развесь – ка уши.
Молчи, из какого теста.
Здесь только зрачки и туши,
Здесь нет диалогам места.

Следи за движеньем звука,
Одышка и пот – не деза.
Кто зубы считает стуком,
Тот будет живьём растерзан.

Останки не спрячут в яме,
Всё в ход: потроха и чресла;
Его продадут частями,
Разделится выигрыш честно.

Желаешь себе признаться,
В быту велика нагрузка?
В квартиру № 17
По улице имени Крупской

Приди.
И не надо мяться.
Вливайся в круг душе —
губский
В квартире № 17
По улице имени Крупской.

И если раскроют пасти,
Припомни, чего ты жаждал;
Твои дорогие части
Излечат недужных граждан.

P.S

Однажды я побывал в квартире по улице Крупской, пришёл добровольно по наводке знакомого. Туда все добровольно приходят, все, кто желает быстро заработать, пусть и с риском для жизни. Я не знал никого из того десятка людей, припёршихся вместе со мной, никто из них явно не страдал словесным недержанием, да и общаться ни капли не хотелось: на душе было гадко, участники нервничали и зыркали друг на друга как живодёры на клетки в зоопарке. За большим залапанным столом мы играли в молчанку. Я знал, что комната напичкана камерами, а за нами наблюдают высокопоставленные любители шоу, делая ставки на приглянувшихся участников. Мы играли почти целые сутки, пока один усатый мужичок не громыхнул кашлем. Его, затравленно озирающегося, тут же унесли какие-то «шкафы» в другое помещение, где профессионально распотрошили на органы. Все остальные принимавшие участие в сеансе, в том числе и я, получили по крупной сумме денег. Мне её хватило на полгода тихой жизни. Завтра я снова отправляюсь пытаться счастье.

Пожелайте мне удачи!

Клаустрофобический этюд

Приехал чёрный страшный куб,
На мучеников падкий.
В него забросил пятки.
С угрюмым лязгом ржавых губ
Скользнули створки по лопаткам.

Здесь двое в штатском на беду,
Но, кажется, не видят
В каком плачевном виде
Попутчик; он почти в бреду,
Наверно молится Исиде.

Поплыли яркие круги —
Метнул их не спасатель.
Сдавило сверху, сзади,
Движеньем треморной руки
Гоняю пот по лобной глади.

Весь воздух вынюхан давно
Моргающими вяло.
Мне, с храпом Буцефала,
Его не хватит всё равно,
Погибну тут – расплющит салом

Гробницы душной потолок.
Гуляет пена в жилах,
Истыкать их бы шилом.
Звонок икнул, уносит в бок —
И лифт, блюющим мной, стошнило.

Загляни в замочную скважину

Кто хочет глянуть в замочную скважину
Тихой квартиры из тайных заноз,
В доме по улице Тихона Кряжина
Номер четыре, идущем под снос?

Кто – то отважный припрётся на цыпочках,
Мокрый от шорохов, липкий как мёд,
И с кривоzubой наивной улыбкой
Жертвенным глазом к порталу прильнёт.

Мрак пузырится, ответственный висельник,
Ветер – маньяк бережёт алтари,
По потолку, шелушащейся лысине —
Стук костылей всё проворней к двери.

В дальних углах пасти смрадные шамкают,
Чёрная тварь каплет мхом со стены,
Стук костылей, не накроешься мамкою,
«Стук»
«Стук»
«Стук»
«Стук» – не с другой стороны.

За костылями ослизло волочится
Масса кишечная с жаждой мозгов.
Но по подъезду до слёз расхохочется
Звук убегающих в страхе шагов.

К парню прилепятся мухи жужжащие:
Что ты увидел? А что там, скажи?
Он на них зыркнет одним глазом ящера,
Молча утопает за гаражи.

Ты приходи в дом по улице Кряжина
Роды принять, унести потроха,
Или извергнуть в замочную скважину
Семя отчаянья,
страха,
греха.

Кошки Палыча

Вечером будто с мешком картошки
Палыч плывёт по загровку дач.
Палыча дома встречают кошки,
Палыча дома встречает срач.

В утро медовое влипнет Палыч,
Будет до ночи скрываться в нём,
Как в мясорубке застрявший палец.
Палыча редко кто видел днём.

Уймище кошек – не вывих моды;
Палыч придёт, отстегнёт протез,
Хвост распушит, выпьет чаю с мёдом,
Выставив кошкам свой диатез.

Палыч развяжет мешок молекул,
Выпустит вышедших за предел.
Кошки скучают и ждут калеку,
Кошки без грубых мохнатых тел.

Мир на вырост

Спроси, может кто – то выдаст чуть больший размер пижам.
Ты брал этот мир на вырост? Он скоро пойдёт по швам.
И я не смотрел на бирки, поверив его красе,
и вот, после новой стирки, наш мир безнадёжно сел.

Чего это, бога ради?! Себе самому не лги,
куда ты в таком наряде? Ни сесть, ни поднять руки.
И бродишь, как неврастеник, затюкан собой, угрюм,
чихнёшь – и в иной системе, толкнут – и прощай, костюм.

А новый набор дадут ли? А вдруг ты не заслужил,
и будешь как путник утлый бродить до скончанья сил.
Портной ли предвзятый грешен – не важно ничуть, ничуть.
Гляди, кто – то голый чешет! Наверное, призрак. Жуть.

Морфология чёрных дыр

Он исследовал скрупулёзно морфологию чёрных дыр
До утра, не гнушаясь методом научного тыка.
Может быть, вещество стремится рефлекторно в ориентир,
А тиски гравитации – близкого акта интрига?

Что случится с живым объектом, погружённым в другой
объект?
Он изменится? Просто вымокнет в любовном бульоне?
После первых экспериментов обнаружен был некомплект —
Возвращался объект, теряя ощутимо в объёме.

Вот бы вылезти (только полностью) с другой стороны дыры.
Надо больше, смелее выдумать стратегий и тактик.
Он вернулся в квазарню без денег и прочей земной муры,
Упустив по дороге парочку прелестных галактик.

Из бурой лужи пьёт собака

Из бурой лужи пьёт собака,
вороны щиплют старика,
два хлопца к мусорному баку
несут бабулю на руках.
В подвале дома номер десять
с энтузиазмом палача
опять кого – то обесчестят
а может, с богом разлучат.
Сосед в костре спалил иконы
и громко молится стене,
монашки радостно с балкона
хвалу возносят сатане.
С небес не дождь, а птичьи говны,
прокисла божия роса.
Лежит свидетель Иеговы,
молчит, не смотрит в небеса.
Как всё паскудно и жестоко
и веры нет в глазах пустых —
ты размышляешь и, как Бога,
ногами бьёшь его под дых.

Беспокойный покойник

За оградкой, в объятиях горького грунта
Беспокойно лежит покойник,
У покойника вес почему – то не брутто;
Он изводит себя до колик,

Он изводит себя до пульсации в пятках,
До слюны пузырящейся в горле,
До искусанных губ, синяков на лопатках,
До желания выпустить корни.

Он лежит, ожидая, когда с ним сольётся
Прикупивший билет на Боинг,
Тот, кто бродит пока, улыбается солнцу —
Всё, как выдумал наш покойник.

За миг до листопада

Грызут бобром глазищи, ко мне ползут скрипуче отростки – больше тыщи – сухие руки-сучья. Хранимый сном и ветром, сквозь ветки рвусь на знамя, от дома в жалком метре в неловкой позе замер.

Душить вцепилось бойко родное с детства древо! Я с дружеской попойки – и сразу прочно в невод попался с рыбьей мордой и с психикой несвежей. Готов погибнуть гордо. Отстань, орех! Невежа!

Встаю с коленным треском. Кора, труха и мерзость летит. И в лунном блеске ревуче пасть разверзлась пустой лиловой бочкой. Тряся лиственной-отравой, он тянет за сорочку к своей дыре корявой. Всё ближе, ближе, ближе!

Я схвачен блудной мухой. Слюною гнойно-рыжей облит из пасти тухлой. Развёл, как циркуль, ноги. Ругаю матом гада!

Деревья очень строги за миг до листопада.

Исследовательский процесс духосмещения в животах-аквариумах

В животах – аквариумах могут выращиваться армии,
Иные системы, галактики. Но в большинстве случаев – мотыльки.
Когда вижу живот, всегда спрашиваю: «А кто в аквариуме?»,
Нередко слышу молчание и хруст превращаемой в камень руки.

Знакомиться с землянками лучше всего на тёмных улицах;
Тактично преследуешь её, затем, когда она уже поняла,
Что не отделаться – обгоняешь, хватаешь за пуговицу,
Мурчишь: «Приветик. Давно в этом теле? Давно не меняла тела?»

И всё, аквариум твой, можно подселать, кого вздумается.
Но помни, духосмещение – возможный источник психических
травм.
Нас мало, коллега, и чаще вместо нас на шёпот улицы
Выходят странные гибриды, охочие до плоти и плотских драм.

Ты давишь саранчу

До сутулой спины мутноглазого клёна
Мы затем по жару доблукали,
Чтоб я пялил глаза на процесс удивлённо —
Как ты мнёшь саранчу каблуками?

Будто возишься белкою в тёплой блевоте,
Будто сыром натёрлась нелёжким.
Не прельщают твой плоский, упругий животик
И твои загорелые ножки.

Саранча не визжит от увечий, наверно,
И не хнычет в объятиях морга.
Ну а ты – разошедшись пропойцей в таверне,
Давишь меньшие души с восторгом.

Хруст погубленных тел и твой радостный воплик
Неужели завистник накаркал?
Sexu – look: каблуки и, особенно – топик
Для меня? Чтобы шляться по парку?!

Ты пришла не ко мне, не ко мне, (даже тошно!)
А крушить, убивать, сеять хаос.
Я гляжу. Я гляжу.
И уже под подошвой
Вместо гадин – мой вздыбленный фаллос.

Дом

Неба холодное сито
Выло в гудроне ночи,
Дом умолял с ним покончить,
Полный людей – паразитов.

Вылезло утро из тубы.
Чьи – то могучие силы,
Слыша, о чём просили,
Сном перерезали трубы.

Мятные леденцы сына патологоанатома

Отец на экстренном выезде, видимо.
Малыш открыл запрещённое видео
В котором тёти с улыбками странными
Активно трутся топорными ранами,
Ланцеты пальцев по мякоти носятся
Гораздо ниже серпа переносицы.

Кутьёй вишнёвой, отлипшей от обуха,
Целуют ватно нагрудную опухоль,
Слюнявят всё, что набухло ирисками,
Так разве делают люди с близкими?
И стонет радуга действия этого
Над грудой тела ещё не отпетого.

Сынок глядит на машинки и кубики
Внезапно – мятными
леденцами
голубенькими.

Шрамы украшают маленьких девочек

«Шрамы украшают маленьких девочек» —
Плачет старый клоун в розовой шляпке,
Будто рисовать ему шрамы не на чем,
Плачет, утираясь сморщенной тряпкой.

Пьёт и вспоминает: «В городе Нальчике
Трудные гастроли... я не был пойман...
Шрамы украшают маленьких мальчиков...»
Всхлипнул, опрокинул внутрь злое пойло.

Целится в меня глазищами Каина,
Слёзы высыхают, льётся улыбка
Горькая в стакан, гремит за раскаяньем
Хохот.
По одной.
Не вяжем с ним лыка.

Мерзко, тошнотворно, лживо и голодно.
Он свалился первым с важностью дожа.
«Шрамы украшают стареньких клоунов»,
В тумбе нахожу скучающий ножик.

Мыслеловля

Вода набирает полные ванны людей
и плещется в них, смывая усталость телами.
Сегодня воде приснилось: один иудей
её превращал в вино.
А другой, помудрей, был нещадней цунами.

Вода, а точнее часть планетарной крови,
томясь взаперти, молчала как связанный лекарь.
Больной человек ей многие страхи привил,
ей трудно любить себя,
состоящую в основном из человека.

Воде наконец – то выдать пора бюллетень,
лечиться, пока планетные соки не скисли.
Пускай отправляется в город свежих людей
ловить на себя
ещё не отпетые, стаей скользящие, мысли.

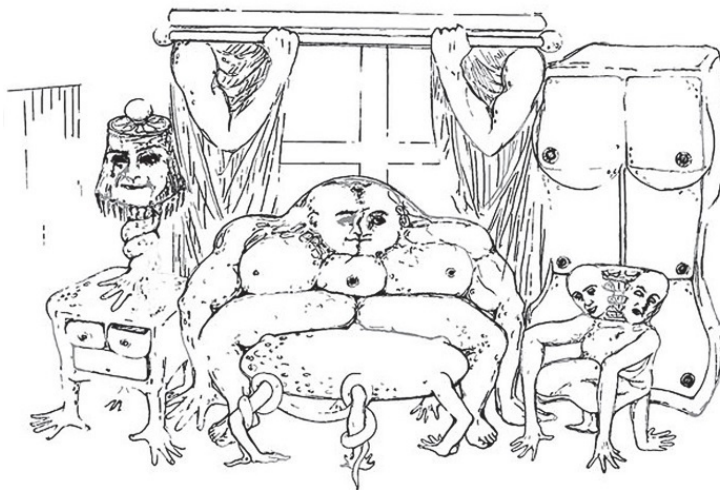
Спим

Спишь,
А тело ходит по квартире
И пьёт, и курит, и хандрит,
А после, как метеорит,
Тебя – планету бомбардирует.
Спишь.

Спим.
А некто липкий как варенье,
При попустительстве икон,
Влезает в нас через балкон
Следить за нашим сновиденьем.
Спим.

Сплю.
Соседу показаться может,
Что я не сплю, когда я сплю.
Как и меня, пока не ожил,
Его используют, как тлю.
Сплю.

Часть 3 Интимная жизнь мебели

Создание тумана

Я видел, как сосед сверху создавал туман
И выплёскивал его из миски в небо.
Туман клубился и гнался за парой армян,
Вис на прохожих, и кашлял нелепо.

Я видел, он заползал под одежду, горчил;
Господа пугались и краснели дамы.
Кефирные сгустки в ночи неслись, как врачи,
Хватая за плечи похлеще жандармов.

Затем, седые патлы растворили луну,
Заслонили звёзды, рекламные вывески.
Я постучал соседу, он в глазок заглянул
И ускакал, пожёвывая ириски.

Переживая за вывески, детей и мам,
Я махал из форточки серьёзной газетой.
Невыносимо глупый, некультурный туман —
Вернулся и теперь живёт у соседа.

Никто так не катал

Из – под нахохленной брови
Гляжу, вдыхая сырость чаши,
Как лесника куда – то тащат
Колонной бодрой муравьи.

А он толкает их в горбы,
Кричит на них и матерится,
Как будто шаха или принца
Везут неряшливо рабы.

Несут, снося все тумачи,
С упорством нищего атлета.
Исчез кортеж за бересклетом,
Приняв меня за куст ирги.

Я плакал и плоды метал
В жилетку верного лукошка,
Мне было горестно немножко,
Меня никто так не катал.

Страшнота

Помоги, друг, по морде пластик,
Сделай мне пострашнее морду,
Сделай морду в разы быдластей,
Чтоб стыдился идти по городу.

Налепи мне носяру, брови,
Подбородок сточи и скулы,
Чтобы стать с Квазимодо вровень,
Чтобы чуть красивей горгульи.

Пусть в меня тычут пальцем дети,
Пусть увозят мамаш плаксивых.
Перед зеркалом сяду с «этим»;
«Мля, какой я в душе красивый».

Ксерофилия

Какая у тебя красивая обёртка
На фоне остальных, несущих в массы бледь,
Такую жмут в руках не запивая водкой.
Позволь её помять, в тиши пошелестеть,
Чтоб те, в углу, могли завидовать с горчинкой.
Отдай мне фантик свой, в недолгий рай билет.
Ах, там же быть должна какая – то начинка?
Оставь её себе. Я не люблю конфет.

Интимная жизнь мебели

За чашкой кофе я нередко
Слежу, седеющий эстет,
Как стул флиртует с табуреткой,
Как на трюмо глядит буфет.

На кухне – вовсе быть неловко,
И это, друг, не миражи,
Ведь там уже с микроволновкой
Мой холодильник задружил,

Нет дружбы жарче в этом мире,
И не сыскать нежнее ласк;
Несутся ночью по квартире
Жужжанье и ритмичный ляг.

С опаской вглядываюсь в бездну,
Свидетель оргий и страстей.
А если завтра я исчезну,
Они наделают детей?

Неудачное обезбородавливание

Бородавка на шее берёт над ней верх:
Неумело моргает единственным глазом,
Отвратительно всё в ней: щекастость и мех,
Теплота, мокрый глаз, но особо – проказы;

Раздражает, болтается, нагло растёт,
И морзянкой «морг – морг» с отраженья в прихожей,
А когда – нибудь может прорезаться рот
Малипусенький, но сквернословно – бульдожий.

И однажды взломают соседскую дверь,
Оскорбась тишиной вековой тугоплавкой,
А в нутрах – обитает неведомый зверь,
Кое – кто безголовый с большой бородавкой.

Восставшие из вытрезвителя

Они придут. Придут они за мною,
Покажут свой губительный прищур,
Когда поллитру бережно открою
И алкоголь сквозь печень пропущу.

Они придут. Я знаю, твари близко.
За стол сажусь на кухне. Вот пузырь,
На закуску есть какая – то редиска
И собутыльник – молчаливый хмырь.

Они придут. Я хлопнул стаканяру.
Пошло...пошло...сладчайшее тепло.
И через час измученную тару
На пол опустит пьяное мурло.

Они идут согнуть меня как лыжу,
И спрятать от воздействия врача.
Они идут. Я шарканье их слышу,
И трёхэтажный мат в тупых речах.

Они пришли. Мне нет уже спасенья,
И глупо спорить с чёрствою судьбой.
Я – как они, горчащий и осенний.
Они уйдут, меня забрав с собой.

В папин кабинет не входить!

Папа с мамой ушли, в доме я и шарпей
Акебоно, задрых в коридоре.
«Вскрыть отца кабинет – нет затеи глупей!» —
Ягодицы уму семафорят.

Папа праведно строг, аккуратно колюч,
Но клубок мне дала Ариадна.
Я плюю на запрет, мне известно, где ключ.
Я же быстро – туда и обратно.

Скрип костей половиц – стоп – сигнал: «кто такой?»,
«Ты сюда?», «Кто позволил?», «Уверен?»
Еле слышно дыша, повлажневшей рукой
Отпираю заветные двери.

А за ними – тайга, край чужой шелестит,
Потрошит миллиардами зенок,
Словно влез в этот мир душегуб и бандит
Прямиком из тюремных застенков.

Я готов, цель близка, рано падать ничком.
Наступая на камни и угли,
Под бомбёжку часов или вопли сверчков,
Увязая по маковку в джунгли.

Шаг за шагом дошёл до грудины стола,
К задремавшей огромной горилле.
Озираясь, достал, как из шляпы – крола,
Из коробки одну сигариллу.

Убираюсь след в след из генштаба врага.
Папа вряд ли заметит пропажу,
Наш пустячный секрет позабудет тайга,
И смолчит половичная стража.

Буду важно курить ароматный табак,
Затерявшись в подмышке у сада,
Сознавая, какой я лихой неслабак —
Рисковал, рисковал нежным задом.

Вспоминаю, и ржёт от щекотки тетрадь.
Не пришлось мне поступком гордиться.
С той наивной поры дал зарок доверять
Не уму, а своим ягодицам.

Существо

Клюквой смазана котомка,
В недрах: лапы от котёнка
Присобаченные тонко
К торсу мёртвого щенка,
Голова – бесстрашной крысы,
Хвост – её же – липкий, лысый,
От вороны, ждавшей риса —
Крылья – вставлены в бока.

В дебри тёплого сарая
Нос впихнула баба Рая
И, очки не протирая,
Поздравляет с Рождеством.
Горбовато, кривоного
Я стою с гримасой Бога
Над безжизненным немного,
Неудачным существом.

3 тыщи

В жухлом парке снуёт ветрище,
Я на лавке сижу дебелий,
Ты сказала: давай три тыщи —
И что хочешь со мною делай.

Вот задача. И что же делать
Мне с тобой до зигзагов пьяной?
Я же сам еле – еле в теле,
Не гожусь уже рвать баяны.

Очумела просить три тыщи?
И ваще – я женат сегодня.
А тебя может кто – то ищет?
А тебе – то куда? В Капотню?

Вот держи. И не надо сдачи!
На, пять тыщ, и дуй дальше с Богом.
Ну чего ты, красотка, плачешь?
Ну присядь. Ну поплачь немного.

Три грустные дамы

Три грустные дамы пришли на фуршет,
Их встретили трое не менее грустных
Мужчин: кто – пил водку, кто – гладил планшет,
Кто – ползал в углу, матерясь неискусно.

Три грустные дамы, идя на фуршет,
Себе представляли, наверно, иное:
Как их встретит некто негрустный уже,
Прошедший нарезку и дважды спиртное.

Они опоздали на сорок минут,
Когда уже грусть овладела приятней.
Мужчины грустнеют, когда долго ждут —
И пьют, и грустнеют ещё безвозвратней.

Три грустные дамы с фуршета ушли
Подальше, туда, где ни капли не грустно,
Туда, где возможно ещё пошалить,
Где грусть – пустота, а не бездна искусства.

То-то-то!

В отделении неврологическом,
В одиночной палате без пульта,
Разговаривал пессимистически
Пациент, отрезвев от инсульта,

Разговаривал он с санитаркою
Неказистой в помятом халате,
Но она, ни мыча и ни каркая,
Удивлялась, как пальцу в салате.

А затем удалилась, и с доктором,
Импозантным весьма, появилась,
Он, порхая вокруг вертолетом,
Распылял химикаты и милость.

Пациент распалялся и силился,
Но слова – будто смята цензура,
Или строгий наказ Брюса Уиллиса,
Данный горькому пьянице сдуру.

Правда, дело совсем не в безволии.
Доносилось из губ пациента:
– То – то – то! То – то – то! – и не более!
«То – то – то! То – то – то!» – и не цента!

Остальное уплыло из лексики!
И лежал он, страдалец без нимба,
И жене за бананы и персики
Он «то – то!» говорил, как «спасибо!».

Он скучал, он молчал, делал вылазки
Из палаты тихонько, вразвалку.
Накануне желаемой выписки,
Подселили хмыря на каталке.

В нём узнал одноклассника Глебова,
По дворовому прозвищу «Чалый».
Глебов что – то настойчиво требовал:
– Это – это! – с каталки звучало.

Не предашь друга детства забвению.
– То – то – то! – громыхнул – «Что за встреча!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.